

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.А. Цветкова

В статье исследуются новые вызовы цифровизации, которые меняют исследовательские подходы и методы анализа в зарубежной и российской американистике, на примере темы о публичной дипломатии США. Показана эволюция терминологического аппарата в изучении публичной дипломатии США, обозначены используемые теории и концепции, а также выявлены методы исследования, которые применяются в изучении данной темы, исходя из существующих традиционных и цифровых подходов. Автор иллюстрирует применение в американистике новых методов, таких как анализ хэштега (hashtag tracking), сетевой анализ (network analysis), сентимент-анализ (sentiment analysis) и анализ мнений и взглядов (opinion analysis). Автор приходит к выводу о существовании научного разрыва между историками-традиционалистами и сторонниками цифровых методов в изучении публичной дипломатии США.

Ключевые слова: публичная дипломатия, цифровая дипломатия, дипломатия данных, США, американистика

The article explores a new challenge entrenched by digitalization and faced by historians in the field of American studies applying the case of the U.S. public diplomacy. The digital challenge has impacted research approaches and methods of analysis. The article reveals the evolution of notions, theories and methods notably some traditional and digital ones in the study of the U.S. public diplomacy. The author illustrates how hashtag tracking, network analysis, sentiment analysis, and opinion analysis can be applied in the American studies. The paper concludes that a gap between traditional historians and supporters of digital methods in the study of the U.S. public diplomacy has been shaped by the digitalization.

Key words: public diplomacy, digital diplomacy, data diplomacy, the USA, American studies

DOI: 10.32608/1010-5557-2020-2020-53-70

Цветкова Наталья Александровна – Ph.D. (Groningen University, Netherlands), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой американских исследований. ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Введение

Устойчивый интерес к публичной дипломатии США в российской и зарубежной американистике возник в начале и середине 2000-х гг.¹ Повышенное внимание со стороны научного сообщества было связано с новым витком развития публичной дипломатии и использованием различных проектов в ближневосточной политике США. Появление таких феноменов, как цифровая дипломатия и дипломатия данных, которые имеют непосредственное отношение к публичной дипломатии США, еще сильнее подогревают интерес научного сообщества и делают тему о публичной или цифровой дипломатии США междисциплинарной. Изучение вопросов цифровой дипломатии, или дипломатии данных, требует привлечения не только квалифицированных историков и политологов, но и специалистов из области IT-технологий. Более того, современные российско-американские отношения, а точнее, политика США в отношении международной информационной деятельности России, которая строится на проектах цифровой дипломатии, также обуславливает интерес самых разных экспертов к изучению цифровой составляющей публичной дипломатии.

Разнообразие форм публичной дипломатии США позволяет нам дать ее современное определение, которым в той или иной мере оперируют специалисты в области изучения США, истории международных отношений и внешней политики. Публичная дипломатия США (U.S. public diplomacy) – это правительственный механизм, нацеленный на реализацию внешнеполитических задач Соединенных Штатов и включающий в себя: 1) информационные проекты, международное вещание и пропаганда; 2) образовательные и культурные обмены и 3) проекты в сети Интернет (цифровая дипломатия)². Данное определение отличается от его трактовки, которая используется в официальных документах отделов по публичной дипломатии правительства США. Официально публичная дипломатия определяется как совокупность проектов, реализуемых Госдепартаментом (программы обменов, выставки, спортивная дипломатия, цифровая дипломатия и дипломатия данных) и Агентством глобальных медиа США³ (информацион-

¹ *Согрин В.В.* Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 185–203.

² *Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия США: теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4. Т. 1. С. 186–189.

³ Агентство глобальных медиа (U.S. Agency for Global Media) является наследником Информационного агентства США (1953–1999) и Управления международным вещанием

ные проекты, международное вещание, цифровая дипломатия и дипломатия данных)⁴.

Указанные трактовки далеко не единственные определения публичной дипломатии и, самое главное, сам термин «публичная дипломатия США», который используется в научной литературе для определения американской внешнеполитической деятельности в области информации, культуры, образования, спорта, Интернета и т.п., имеет целый ряд синонимичных названий. Существуют такие термины, как «культурная дипломатия США», «народная дипломатия», «внешнеполитическая деятельность США в области культуры», «политика мягкой силы», «электронная дипломатия» и многое другое. Более того, существует определенное число различных концепций, теорий, а также методологических подходов, используемых исследователями для изучения публичной дипломатии. Смещение терминов, концепций и методов сформировало пеструю научную картину в области изучения публичной дипломатии, а нарастающая масса дискуссий, течений и точек зрения требует систематизации, обдумывания и выявления первых итогов.

Цель данного исследования – выявить современный методологический базис в изучении публичной дипломатии США, что включает в себя терминологический аппарат, теории и методы анализа.

Статья состоит из трех разделов. В первом прослеживается эволюция терминологического аппарата в изучении публичной дипломатии США. Во втором говорится о теориях и концепциях в области таких дисциплин, как история, международные отношения и внешняя политика, а также антропология, социология и пр., которые используются для изучения публичной дипломатии США. В третьем выявляются методы исследования, применяющиеся в изучении данной темы, исходя из существующих традиционных и цифровых подходов.

Публичная дипломатия США: научный дискурс

Термин «публичная дипломатия» стал использоваться в научном обороте с конца 1990-х гг. До этого момента исследователи публичной дипломатии США, которые состояли в подавляющем большинстве из историков или бывших дипломатов, использовали другое определение – «культурная дипломатия» или «внешняя культурная политика».

США (1994–2018) и включает в себя все теле- и радиоканалы международного вещания США.

⁴ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy, 2019 (<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/01/2019-ACPD-Annual-Report.pdf>).

Однако термин «публичная дипломатия» начал свою историю в политической, дипломатической и научной жизни еще в конце XIX в. Выражение «публичная дипломатия» было впервые использовано на слушаниях в Конгрессе США по вопросу о возможной аннексии части Доминиканской Республики. Во время дискуссий конгрессмены использовали термин «публичная дипломатия» в качестве обозначения открытой дипломатии и как некий антипод секретной политики США⁵.

Подобное использование термина продолжилось в дипломатической практике и часто публичную дипломатию называли открытой дипломатией и связывали с публикацией секретных документов, а также с идеями президента В. Вильсона о необходимости новой многосторонней дипломатии. Термином «публичная дипломатия» стали обозначать современную форму дипломатической активности, связанную с открытостью, многосторонностью и участием общества. Однако последующее развитие международных отношений заставило на время отказаться от широкого использования термина⁶. После окончания Второй мировой войны термин «публичная дипломатия» снова вошел в употребление, но уже не политиков и дипломатов, а журналистов и специалистов в области коммуникаций.

В 1950-е гг., когда коммуникационные механизмы – радио и телевидение – стали применяться для ведения внешней культурной политики и пропаганды, термин «публичная дипломатия» применялся для обозначения действий правительств в области информационной политики на международной арене. В 1953 г. известный эксперт, ученый и общественный деятель США У. Липпман в своей колонке в газете «Вашингтон Пост» («Washington Post») соединил три понятия – публичная дипломатия, пропаганда и психологические операции – в единый термин «публичная дипломатия», и вскоре термин вошел в оборот ученых и экспертов, занимающихся вопросами политики США или других стран в области международного вещания и пропаганды, продвижения имиджа и борьбы с неверными представлениями зарубежных граждан о Соединенных Штатах.

Очень часто исследователи цитируют определение публичной дипломатии США декана факультета международных отношений Университета Тафта в США Э. Гуллиона, и очень часто это определение указывают в качестве первого определения публичной дипломатии. Гуллион полагал, что публичная дипломатия является совокупностью информационных проектов. Он заявлял: «Публичная дипломатия оказывает

⁵ Forty-First Congress. Third Session // New York Times. 1871. January 20. P. 2.

⁶ Cull N.J. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase // Routledge Handbook of Public Diplomacy / Ed. by N. Snow, Ph.M. Taylor. London; N.Y., 2009. P. 19.

влияние на отношение зарубежной целевой аудитории к внешней политике; она возвращает общественное мнение в других странах; она устанавливает коммуникацию между дипломатами и журналистами; и она создает межкультурную коммуникацию»⁷. Из этого определения явствует, что публичная дипломатия связывалась с информационной деятельностью США или с той деятельностью, которая сегодня называется политической коммуникацией, пропагандой, а не с проектами в области культуры и образования. Необходимо сказать, что данное определение эксперт использовал в ходе выступления на слушаниях в Конгрессе США о ликвидации негативного образа США, сложившегося в зарубежных странах во время Вьетнамской войны. Именно на этих слушаниях Э. Гуллион призвал конгрессменов использовать термин «публичная дипломатия» как совокупность информационных методов влияния⁸.

Однако в последующие годы, в годы «холодной войны», когда в противостоянии с советской идеологией использовались самые различные жесткие и мягкие инструменты публичной дипломатии, термин «публичная дипломатия» редко использовался в научной и практической деятельности (хотя, например, существовала комиссия при президенте США под названием Комиссия по публичной дипломатии). До конца «холодной войны» термины «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия» США доминировали в науке и практике. Негативное отношение многих американских деятелей культуры и политиков к термину «публичная дипломатия», который подразумевал, по их мнению, элементы пропаганды и недоверия, способствовало его исключению из дискурса. Эксперты настаивали на том, чтобы информационная деятельность и «публичная дипломатия» США были строго отделены от программ культуры и образования⁹. Достаточно вспомнить, как У. Фулбрайт, глава сенатского Комитета по международной политике, выступил против передачи всех программ обменов в области культуры и образования из отделов Госдепартамента в Информационное агентство США. Произошло формальное разделение «культурной дипломатии» Госдепа и информационной деятельности Информационного агентства, что оказало влияние на научный дискурс: часть исследователей занимались вопросами культурной дипломатии, а часть – изучала информационную политику или пропаганду США. В итоге термин «публичная дипломатия»

⁷ Ibid.

⁸ The Future of United States Public Diplomacy. Hearings. Committee on Foreign Affairs, House of representatives, July 1968. Washington (D.C.), 1968. P. 35.

⁹ Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика в годы «холодной войны». СПб., 2007.

использовался редко, и только в конце «холодной войны» стали появляться статьи о публичной дипломатии¹⁰.

В настоящее время, когда публичная дипломатия понимается как совокупность всех типов программ и проектов, ряд исследователей продолжает использовать термин «культурная дипломатия». Это связано, во-первых, с тем, что многие исследователи являются бывшими дипломатами и используют тот терминологический аппарат, к которому они привыкли за годы своей службы¹¹. Во-вторых, тема о культурной или идеологической «холодной войне» (cultural cold war), т.е. о противостоянии СССР и США во всех областях культуры, образования, пропаганды и пр., сформировала плеяду ученых по всему миру, которые в массе своей используют дискурс о культурной дипломатии, следуя за документами того периода¹².

В современных исторических исследованиях используются и ряд других терминов. Например, дискурс о «народной» дипломатии (*citizen diplomacy* или *people-to-people diplomacy*) по-прежнему используется в научной литературе. Основанием для этого служит исторический факт существования программы под названием *People-to-people diplomacy*, появившейся в 1950-е гг. Термин «народная дипломатия» включает в себя академические, информационные и культурные программы обмена и характеризуется как один из важнейших инструментов внешней политики США. Сторонники дискурса о народной дипломатии говорят, что публичная дипломатия — это правительственный механизм, а независимые программы обменов и культуры существуют как дополнение к государственной публичной дипломатии и нуждаются в особом термине — «народная дипломатия»¹³.

В 1990-е гг., когда появилось новое поколение экспертов в сфере культурной дипломатии США, а теории о политической коммуникации начали использоваться экспертами ведомств Госдепартамента, термин «публичная дипломатия» стал доминировать в практике и исследованиях. Его вхождение в дипломатический и экспертный оборот ускорило в период дискуссий о необходимости ликвидации ведомств периода «холодной войны» в середине 1990-х гг. После ликвидации Информационного агентства, публичной дипломатией стали

¹⁰ Adelman K. Speaking of America: Public Diplomacy in Our Time // Foreign Affairs. 1981. Spring (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1981-03-01/speaking-america-public-diplomacy-our-time>).

¹¹ Arndt R. The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century. Washington (D.C.), 2005; Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain. State College. Pennsylvania (Pa.), 2003.

¹² Gienow-Hecht J. Searching for a Cultural Diplomacy. N.Y., 2010.

¹³ Mueller S.L. The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. P. 101–107.

обозначаться все типы проектов в области информации, культуры, образования и т.п.

Дискурс о публичной дипломатии был призван обозначить начало новой эры, продемонстрировать отход правительства США от культурной дипломатии «холодной войны», а самое главное, внедрение в практику новых проектов по развитию демократии в странах Восточной Европы и на территории бывших республик СССР. В это время наметилась тенденция к политизации программ обмена, которые использовались для обучения политиков и участников электоральных процессов. С началом создания новых и масштабных проектов в странах Ближнего Востока после 2001 г., появлением абсолютно новых и крайне политизированных программ обучения, публичная дипломатия вошла в научный дискурс как внешнеполитический инструмент США, нацеленный на демократизацию зарубежных стран. Это стало новым вызовом и для исследователей. Часть из них начала рассматривать публичную дипломатию как инструмент для политического строительства, проведения выборов, демократизации и американизации. А другие остались на рельсах изучения аполитичных проектов, таких как музыкальная дипломатия, обмены между музеями и выставки.

В 2004–2010-х гг., когда концепция Дж. Най о «мягкой» силе захватила умы политиков самых разных стран, что оказало влияние на содержание стратегий и концепций внешней политики США, России и других государств, произошло смешение двух понятий, а также практики и теории. «Мягкой» силой стали называть практическую деятельность государства в области публичной дипломатии, и это выражение использовалось в качестве синонима публичной дипломатии, что не совсем верно. В 2008 г. Дж. Най признал, что произошла подмена понятий и выдвинул свое понимание публичной дипломатии и концепции «мягкой» силы. Он указал, что публичная дипломатия — это средство продвижения «мягкой» силы государства, которая, в свою очередь, имеет три источника: ценности внутренней политики и социального порядка, культура страны и внешняя политика. Поэтому публичная дипломатия занимается продвижением этих трех источников мягкой силы государства посредством трех методов. Первый метод — это ежедневная коммуникация с зарубежной аудиторией для объяснения внешней политики государства. Второй метод — осуществление кампаний, направленных на продвижение бренда государства. Третий метод — проекты, направленные на построение равноправных взаимоотношений между странами¹⁴.

¹⁴ Nye, J.S., jr. Public Diplomacy and Soft Power // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. No. 1. March. (Special Iss.: Public Diplomacy in a Changing World / Ed. by G. Cowan, N.J. Cull). P. 94.

В 2010–2012 гг., когда правительство США начало запускать первые проекты в Интернете, осуществлять прямой диалог с пользователями социальных сетей по всему миру, создавать учетные записи своих посольств, СМИ и особенно каналов международного вещания на таких платформах как *Facebook*, *Twitter* и *Youtube*, специалисты в области публичной дипломатии стали предлагать самые различные термины для обозначения нового направления во внешнеполитической деятельности США. Появились такие термины, как: интернет-дипломатия (*Internet diplomacy*), дипломатия социальных сетей или твипломатия (*Twitter diplomacy*) и публичная дипломатия Web 2.0. (*public diplomacy Web 2.0.*)¹⁵. Устойчивым термином оказался вариант «цифровая дипломатия» или *digital diplomacy*. В настоящее время именно он чаще всего используется для описания взаимодействия правительств с пользователями социальных сетей. США, Россия, Франция, Германия, Китай и Иран оказались лидерами по созданию официальных учетных профилей (аккаунтов), а каналы международного вещания, такие как «Voice of America», «Russia Today» или «Press TV» запустили первые цифровые профайлы в социальных сетях¹⁶. Если обобщить современное развитие научной мысли по данному вопросу, то можно сказать следующее: несмотря на масштабность и разнообразие цифровой деятельности, научные дискуссии по данному направлению сводятся к обсуждению частных вопросов практической реализации цифровой дипломатии разных стран; происходит накопление эмпирического материала и выработка методологии исследования нового феномена; основной концепцией, которая обсуждается специалистами в области цифровой дипломатии, выступает идея об «острой» силе (*sharp power*), выдвинутая в 2018 г.

В ходе осмысления цифровой дипломатии в научном мире возник вопрос о соотношении публичной и цифровой дипломатии. Появилось много исследователей, которые владеют методами анализа социальных сетей, но не имеют никакого представления о публичной дипломатии или культурной дипломатии США, и, соответственно, историки, отлично разбирающиеся в эволюции культурной дипломатии и внешней политики США, но не готовые к использованию новых подходов к изучению цифровой дипломатии¹⁷.

¹⁵ Цветкова Н.А. Социальные сети в публичной дипломатии США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. № 2. С. 84–89.

¹⁶ Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия: феномен в международных отношениях и методология изучения // Вестник РГГУ. «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47.

¹⁷ Ср.: Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США и революции в арабском мире // Мир и политика. 2011. № 4. С. 45–53; Jansen F. Digital Activism in the Middle East: Map-

Произошел научный разрыв между традиционалистами, т.е. исследователями традиционных проектов в области публичной дипломатии, и знатоками цифровой стороны публичной дипломатии. Последние часто не склонны рассматривать цифровую и публичную дипломатию в комплексе, несмотря на то, что по всем объективным показателям (например, подчинению отделов по цифровой дипломатии заместителю госсекретаря по публичной дипломатии, наличию единого источника финансирования проектов двух типов дипломатий и пр.) цифровая дипломатия является частью публичной дипломатии США. Во многих исследованиях цифровая дипломатия описывается как нечто отдельное, связанное с обособленными профайлами отдельных политиков, или отдельных СМИ, что далеко не так. Цифровая дипломатия представляет собой одно из направлений публичной дипломатии. Ее цели идентичны целям и задачам публичной дипломатии, однако механизмы реализации отличаются от традиционных и включают в себя анализ зарубежной блогосферы, организацию и поддержание диалога с зарубежными гражданами через социальные сети, продвижение цифровых каналов вещания и пр.

Следующим вызовом для научного мира стал период 2018–2020-х гг., когда правительство США приступило к активному использованию анализа больших данных для информационного противостояния с Ираном, Китаем и, самое главное, с Россией¹⁸. Это оказало влияние на научный дискурс, и в исследованиях о публичной дипломатии появился новый термин – дипломатия данных (*data diplomacy*). Дипломатия данных определяется как правительственный механизм для решения задач информационного противостояния при помощи использования больших данных, ботов, искусственного интеллекта, что позволят определять целевые аудитории, вычислять ключевых блогеров, а также эффективно разрабатывать контрмесседжи против пропаганды других государств. Данный тип дипломатии также является частью и новым направлением традиционной публичной дипломатии.

Это новое направление способствовало дальнейшему увеличению научного разрыва между традиционалистами и специалистами в области цифровой дипломатии. Современный научный дискурс немыслим без знаний и умений в области обработки «больших данных». Те специалисты, которые не готовы заниматься исследованиями в области цифровой дипломатии, используют понятия о публичной дипломатии

ping Issue Networks in Egypt, Iran, Syria and Tunisia // Knowledge Management for Development Journal. 2010. Vol. 6. No. 1. P. 37–52.

¹⁸ Tsvetkova N. Dealing with a Resurgent Russia: Engagement and Deterrence in US International Broadcasting, 2013–2019 // Vestnik of St. Petersburg State University. International Relations. 2020. Vol. 12. No. 4. P. 435–449.

или о культурной дипломатии США, оставляя ее цифровой компонент на периферии своих интересов. Те исследователи, которые способны привлечь специалистов в области цифровых технологий или имеют возможности использовать различные программы для анализа социальных сетей, часто оперируют только категориальным аппаратом из области цифровой дипломатии, не обращая внимания на весь комплекс проектов и методов публичной дипломатии, а также на документы правительства США о публичной дипломатии, в которых поставлены задачи по реализации ее цифрового компонента.

В силу этого нам представляется необходимым оперировать следующим определением термина «публичная дипломатия» – 1) информационные проекты; 2) образовательные и культурные обмены; и 3) проекты в сети Интернет (цифровая дипломатия и дипломатия данных) и оговаривать в исследованиях проблему традиционного или цифрового подхода к изучению данной части внешней политики США.

Научный разрыв, появляющийся сегодня в современной американистике между исследованиями традиционной публичной дипломатии и цифровой дипломатии США, возможно преодолеть при помощи развития теоретических и методологических подходов.

Теории и концепции публичной дипломатии

Теоретические подходы, которые могут использоваться для обобщения эмпирических данных о публичной дипломатии США, лежат в области науки о международных отношениях, истории, а также в рамках самых различных коммуникационных концепций, включая идеи о «мягкой» силе или «острой» силе.

Теоретическое осмысление публичной дипломатии началось примерно в 1950–1960-е гг., когда накопился определенный эмпирический материал о действиях правительства США в данной сфере. В таких дисциплинах, как: международные отношения, история, американистика, международные гуманитарные связи, социология, а также политическая коммуникация, сформировалось несколько концепций публичной дипломатии США, которые по-разному трактуют ее цели и результаты.

В рамках изучения истории и международных отношений специалисты опираются на такие теории, как: реализм, неолиберализм и конструктивизм. Реализм, а также концепции «мягкой» и «острой» силы, которые были созданы сторонниками неолиберальной школы, а кроме того, идеи конструктивизма о необходимости понимания культуры «других» для формирования гармоничного международного порядка сегодня доминируют в двух указанных отраслях знаний. Историки, по-

литологи и представители науки о международных отношениях акцентируют внимание на политических целях и задачах американской публичной дипломатии. Основным объектом исследования является правительство США. Сторонники реализма рассматривают публичную дипломатию как инструмент государственной политики, призванный решать вопросы национальной безопасности и влиять на поведение зарубежных правительств. Сторонники неолиберальной школы работают в рамках концепции «мягкой» силы, ставшей уже классическим подходом в изучении целей и задач публичной дипломатии США. Эта концепция «мягкой» силы применяется для анализа проектов публичной дипломатии, которые оказывают влияние на другие государства при помощи привлечения или взаимодействия. Появление цифровой дипломатии и государств, способных использовать социальные сети и Интернет для продвижения политических задач, сформировали еще один научный дискурс в рамках концепции «острой» силы¹⁹. Концепция описывает цифровую дипломатию отдельных государств, которая направлена не на сотрудничество, а на разжигание конфликтов и подрыв политического строя государства-оппонента²⁰.

Теория конструктивизма привнесла новые идеи в понимание публичной дипломатии США. Ее сторонники утверждают, что наличие многочисленных негосударственных акторов на международной арене, их активное участие в негосударственной публичной дипломатии повлияли на появление так называемой новой публичной дипломатии, как средства понимания «иной» культуры, традиций «других», что приводит к формированию более гуманных отношений между людьми и государствами²¹. Сторонники конструктивизма утверждают, что каждое из государств имеет собственное восприятие мира, отличное от других культур и ценностей, и в этом разнообразии кроется основа для создания стабильного мира и устойчивых отношений. Основное условие — стремление понять «других» без отрицания их права на собственную идентичность²². Продвижение позитивного имиджа одного государства в другом невозможно без понимания и положительного отношения к культуре и ценностям других. Многосторонний диалог

¹⁹ *Tsvetkova N.* Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? // *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice*. London, N.Y., 2019. P. 103–117.

²⁰ *Nye J.* How Sharp Power Threatens Soft Power // *Foreign Affairs*. 2018. January (<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>).

²¹ *Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия США: теории и концепции; *Gregory B.* Public Diplomacy: Sunrise of an Academic Field // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. No. 1. March. (Special Iss.: Public Diplomacy in a Changing World / Ed. by G. Cowan, N.J. Cull). P. 274–290.

²² *Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999; *Hopf T.* The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. 1998. Vol. 23. No. 1. P. 176.

и взаимодействие — это тот инструментарий публичной дипломатии или культурной дипломатии, который способен продвинуть имидж одного государства в другом. Все иные концепции, такие как «мягкая» сила, уведут экспертов от идеи понимания других культур и делают акцент на значимости целей по внедрению своих ценностей в других странах.

Адепты использования конструктивизма в понимании природы публичной дипломатии или внешней культурной политики указывают, что «публичная дипломатия — это инструмент, используемый и государственными структурами, и неправительственными организациями для *понимания* разнообразия культур и поведения “других”, а также для *строительства и управления* отношениями друг с другом, и только третьей функцией публичной дипломатии является *оказание влияния* на мнения и действия других стран и обществ»²³. Нельзя не отметить попытку голландского эксперта в данной области Г. Скотт-Смита ответить на вопрос о применимости известных теорий международных отношений к программам обменов. Какая из теорий — реализм, либерализм, теория режимов, конструктивизм или концепции А. Грамши и др. — может служить концептуальной рамкой для изучения образовательных программ обменов как части публичной дипломатии? Разбирая указанные теории, Г. Скотт-Смит приходит к выводу, что наиболее подходящей концепцией выступают идеи конструктивизма, поскольку политико-культурный обмен, который заложен в программах обмена, способствует формированию более позитивного международного климата и снижению угрозы войны²⁴.

Необходимо также отметить, что конструктивизм открывает перед исследователями совершенно новую глубину в изучении цифровой дипломатии, что может оказать влияние на развитие и самой конструктивистской теории. Анализ настроений пользователей, реакции и тон комментариев формируют базис для понимания идентичностей, ценностей и меняющихся предпочтений групп общества по конкретным политическим вопросам в отдельно взятой стране. Более того, использование методов конструктивизма позволяет сделать выводы о влиянии отдельных постов в социальных сетях или информационных кампаний политической власти на ценностные ориентиры целевой аудитории²⁵.

²³ Gregory B. Op. cit. P. 276.

²⁴ Scott-Smith G. Mapping the Undefinable: Some Thoughts on the Relevance of Exchange Programs within International Relations Theory // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. March. (Special Iss.: Public Diplomacy in a Changing World / Ed. by G. Cowan, N.J. Cull). P. 173–195.

²⁵ Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия: феномен...

В рамках социальных, культурологических и антропологических исследований ученые занимаются изучением вопроса о конечных результатах программ публичной дипломатии. «Получатели» программ, т.е. зарубежные государства и общества, являются основным объектом исследования. Сторонники данного подхода используют в своих исследованиях такие концепты, как «культурный империализм», «американизация» и «взаимный культурный обмен».

Публичная дипломатия является не только частью внешней политики США. Для исследователей в области культурологии, международных отношений в гуманитарной сфере, антропологии и т.п. публичная дипломатия – это некий продукт культуры, который определенным образом воспринимается зарубежными реципиентами. Специалисты, изучающие внешнюю политику США в области культуры или распространение американской массовой культуры, определяют иной предмет исследования в данной области – степень воздействия программ публичной дипломатии на конечных получателей. Использование в исследовании той или иной концепции чаще всего зависит от позиции автора в отношении воздействия проектов публичной дипломатии на целевые аудитории. Сторонники концепции «культурного империализма» трактуют публичную дипломатию или один из ее компонентов как инструмент продвижения культурных ценностей США в других государствах за счет подавления локальных культур. Такие понятия, как «давление», «контроль», «исчезновение традиционных ценностей» являются сопутствующими в дискуссиях о культурном империализме США.

В последнее время стала разрабатываться теория отклика (*response theory*), которая смещает тему культурной экспансии в сторону изучения вопросов о методах «сопротивления» местных сообществ, оказавшегося под влиянием США. Сторонники концепции американизации отрицают факт негативного воздействия США на культуру других стран и утверждают, что существует процесс частичной социальной и культурной адаптации к стандартам американского образа жизни, а проекты публичной дипломатии передают технологические достижения США другим странам. Сторонники такой культурологической концепции, как диалог культур (*cultural transfer*) рассматривают публичную дипломатию в виде средства для взаимного проникновения различных культур и наций. Данные концепции все еще остаются весьма популярными среди историков и антропологов, изучающих, например, проблемы «холодной войны».

Наконец, сторонники коммуникационного подхода утверждают, что публичная дипломатия – это построение диалога и установление коммуникации с зарубежным обществом и поэтому стратегии установления связи между правительством США и зарубежными гражданами

являются самыми важными. Новое прочтение термина «пропаганда», построение моделей публичной дипломатии (монологовой, диалоговой и др.) стали доминировать среди специалистов, которые относят себя к числу исследователей политической коммуникации. Наиболее популярной выступает концепция о стратегической коммуникации, рассматривающей публичную дипломатию и, особенно, проекты в области информации как средство влияния на целевые аудитории в кризисных ситуациях. Исходя из политических задач, выстраиваются три теоретические модели публичной дипломатии: монолог, диалог или сотрудничество. Первая модель предполагает одностороннее распространение информации, и пропаганда здесь играет значимую роль. Вторая модель предполагает развитие двухстороннего диалога с целевой аудиторией. Третья модель – сотрудничество – предполагает запуск информационных проектов, которые создают условия для укрепления партнерства²⁶.

Указанные концепции могут применяться для изучения традиционных и цифровых проектов публичной дипломатии США и различаются между собой трактовкой отношений между правительством США, которое инициирует проекты публичной дипломатии, и получателями проектов в других странах. Сторонники реализма, неолиберализма, конструктивизма, стратегической коммуникации акцентируют внимание на деятельности правительства США в рамках публичной дипломатии. Приверженцы культурного империализма, американизации и диалога культур ставят вопрос о реакции зарубежного общества на эти программы в виде сопротивления или позитивного отклика. Концепции первой группы применимы к изучению целей публичной дипломатии, в то время как концепции второй группы – к оценке конечных результатов публичной дипломатии США²⁷.

Наряду с терминологическим аппаратом и теоретическим базисом, необходимо рассмотреть и методы исследования, которые могут быть использованы при изучении публичной дипломатии и особенно ее цифрового звена.

Методы исследования публичной дипломатии в цифровую эпоху

Несомненно, исторический подход, сравнительный и документальный анализ, а также системный анализ и другие методы изучения во-

²⁶ *Gilboa E.* Diplomacy in The Media Age: Three Models of Uses and Effects // *Diplomacy and Statecraft*. 2001. Vol. 12. No. 2. P. 1–27.

²⁷ *Цветкова Н.А.* Публичная дипломатия США: теории и концепции.

просов внешней политики США, к которым относится публичная дипломатия, остаются важнейшими компонентами работы историка при использовании исторических источников. Этому вопросу уделено внимание в трудах ученых-американистов²⁸.

Цифровизация международных отношений и внешней политики поставила перед историками новую задачу в области методов изучения публичной дипломатии. Какие методы доступны для историка при изучении цифровой дипломатии или дипломатии данных, которые играют все большую роль во внешней политике США?

Цифровая дипломатия требует использования особых методов анализа, которые относятся к изучению социальных сетей и поведению пользователей в сети Интернет. К самым распространенным можно отнести следующие: анализ хэштега (*hashtag tracking*), сетевой анализ (*network analysis*), сентимент-анализ (*sentiment analysis*) и анализ мнений и взглядов (*opinion analysis*). Метод анализа хэштега дает ответ на вопрос о том, как развивается дискуссия по определенной теме, какие посты вызывают наибольший интерес, и кто из участников обсуждения получает наибольшую популярность среди подписчиков. Сетевой анализ выявляет ключевых блогеров и каналы международного вещания, которые создают информационный дискурс, шум и контекст вокруг определенной проблемы. Сентимент-анализ или анализ тона текста оценивает реакцию пользователей на предлагаемые темы или информационные кампании, что способствует выявлению идентификации пользователей и их политической позиции. Наконец, анализ мнений пользователей работает с текстами и осуществляет анализ часто употребляемых слов, терминов и эпитетов, что формирует знание о содержании постов и комментариев.

Данные методы анализа применимы при использовании двух категорий компьютерного софта. В первом случае можно применить указанные методы к анализу данных при использовании готовых алгоритмов или программ, которые в последнее время широко представлены разработчиками в сети Интернет (например, Netlyrics, SocioViz, NVivo и др.). Но историки должны отдавать себе отчет, что это будет упрощенный анализ, основанный на так называемых малых данных. Программы позволяют собрать только ограниченное число постов или твитов (до 10 тыс.). Тем не менее подобные программы позволяют осуществлять все виды анализа и сформировать визуализацию цифровых данных, что очень важно для понимания происходящих политических процессов²⁹.

²⁸ Согрин В.В. Методология современной американистики //Американский ежегодник 2018/2019. М., 2019. С. 11–23.

²⁹ Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия: феномен...

Современные средства программирования позволяют собрать «большие данные», т.е. собрать все посты, всех пользователей и набор всех реакций, а также осуществить полноценный контент-анализ комментариев относительно определенного вопроса. Например, при изучении информационной войны вокруг Сирии был произведен анализ «больших данных» по хэштегу «Сирия» на английском и арабском языках на платформе Twitter, а при помощи специального созданного программного алгоритма были собраны более 34 млн твитов и постов и осуществлена классификация наиболее популярных твитов за каждый месяц и самых влиятельных аккаунтов на платформе Twitter. Использование алгоритмов и «больших данных» существенно влияет на результаты исследования и понимание происходящих событий в другой стране. Анализ миллионов постов позволил определить место правительственных и частных аккаунтов среди лидеров общественного мнения в самой Сирии и на глобальном уровне. В случае с этой страной оказалось, что не-западные и не-российские каналы международного вещания и блогеры оказывали определяющее влияние на умы сирийских граждан в 2008–2018 гг. Такой игрок, как Саудовская Аравия, ее каналы международного вещания, а также многочисленная армия частных блогеров этой страны оказались в числе лидеров по формированию информационного и политического дискурса в Сирии³⁰.

Подобный анализ был проведен и в отношении Афганистана. Исследователи поставили вопрос о влиянии информации американских интернет-каналов на афганское население, которое имеет доступ к сети. Были получены около 3 млн твитов, содержащие хештег со словом «Афганистан» на английском и арабском языках с веб-страницы расширенного поиска Twitter за 2008–2018 гг.³¹ Исследование показало, что между Саудовской Аравией, Ираном, Россией, Китаем, США развернулась борьба за лидерство в информационном пространстве Афганистана. Однако стала заметна и активность афганских и арабских блогеров, которые распространяли твиты по Афганистану на местных языках в 2015–2018 гг. Популярность стали приобретать твиты, которые повествовали о действиях группировки Талибан против коалиционных сил. В ответ на это США создали телеканал @TOLONews, который очень быстро стал отвоевывать аудиторию социальных сетей. Но как только правительство Соединенных Штатов приостанавливало работу в социальных сетях или не продуцировало значимых новостей,

³⁰ Ibid; *Сытник А.Н.* Информационное противоборство в Сирии // Азия и Африка сегодня. 2018. Т. 727. № 2. С. 64–68.

³¹ Компьютерная программа была создана на языке программирования «Python» с использованием пакета для анализа документов «BeautifulSoup».

популярность американских каналов сразу снижалась, а популярность талибов резко нарастала³².

Изучение цифровой дипломатии способствует объективному пониманию политических процессов и расстановки политических сил в другом государстве, что может оказать влияние на научные выводы о развитии международных отношений. Например, в 2018–2019 гг. в литературе было распространено мнение о значительной популярности самопровозглашенного президента Х. Гуайдо в Венесуэле и влиянии американской политики на ситуацию в стране. Однако анализ социальных сетей и более чем 9 млн постов и твитов пользователей в Венесуэле показал совершенно иную картину. Во-первых, ни один из каналов международного вещания США, России, КНР, европейских стран не пользовался популярностью среди граждан Венесуэлы. Во-вторых, цифровая дипломатия действующего президента Н. Мадуро и его сторонников не уступала по своей креативности и популярности лидерам оппозиции, что сказывалось на расстановке политических сил в стране. Ни одна из сторон была не способна окончательно привлечь общественное мнение на свою сторону³³.

Данные методы анализа являются на сегодняшний момент одними из самых доступных для исследователей. Несомненно, искусственный интеллект может значительно повысить эффективность указанных способов анализа данных и его использование в изучении цифровизации международных отношений, но это — дело ближайшего будущего.

Заключение

Культурная дипломатия, публичная дипломатия или цифровая дипломатия США представляют собой сферы, относящиеся к внешней политике США, ее истории и современности. Терминологический аппарат публичной дипломатии носит устойчивый характер и сегодня происходит уточнение терминологии в рамках цифровой дипломатии и дипломатии данных.

Цифровая дипломатия заставляет исследователей обращаться к новым методам исследования. Вопрос о доступе к «большим данным»

³² Цветкова Н.А., Сытник А.Н. Публичная дипломатия в Афганистане, 2002–2018 гг.: влияние США на социальные сети, политическую систему и университеты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. № 4. С. 344–361.

³³ Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия: феномен...; Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I. Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. Iss.1.

является ключевым для исследования данного феномена, поскольку обеспечивает полноту картины информационных кампаний, используемых в публичной дипломатии США. Такие методы анализа, как анализ хэштега, сетевой анализ, sentiment-анализ и анализ мнений взглядов являются важными инструментами для историка в изучении цифровой дипломатии. Однако опора на традиционные документальные источники, понимание исторической эволюции развития публичной дипломатии остаются ключевыми для исследователей.